

Философия дома

В статье рассматриваются ключевые функции и эволюция жилища. Отмечается, что представление о нем как об искусственной оболочке, назначение которой сводится к защите обитателей от неблагоприятных воздействий окружающей среды, является недостаточным. В центр внимания должно быть поставлено обеспечение сохранности и управление развитием всего комплекса жизнеобеспечения нового субъекта всеобщей истории природы: информационного кода новой формы жизни, технологий, а также используемого человеком инструментария.

Ключевые слова: пространство жизнеобеспечения; архетип жилища; социальная структура; эволюция архитектурных форм; дом; замок; дворец

Evgeniy Yelizarov

Philosophy of the House

The article discusses the key functions and evolution of the dwelling. It is noted that the idea of it as an artificial shell, the purpose of which is to protect the inhabitants from adverse environmental influences, is insufficient. The focus should be on ensuring the preservation and management of the development of the entire life support complex of a new subject of the universal nature history: the information code of a new form of life, technologies, as well as the tools used by man.

Keywords: life support space; archetype of dwelling; social structure; evolution of architectural forms; house; castle; palace

1. Архетип

Долгое время европейская история знает три основные формы жилища: дом, замок, дворец. Природа замка требует особого

рассмотрения, в двух же крайних – доме и дворце, как правило, видят прямые противоположности друг другу. Традиционный взгляд на вещи обнаруживает во втором продукт социально-классового расслоения и потому сравнительно поздний культурный феномен, в обыденном сознании дворец – это результат длительной эволюции некоего эксклюзивного дома. Так, еще О. Шуази выводил архитектуру храма, понятого как местообитание бога, из архитектуры царского обиталища [7], в свою очередь последнее – это результат развития рядового жилища нуклеарной семьи. Однако есть основание полагать, что и дом, и дворец – это не разные стадии единой эволюции, но результаты двух расходящихся линий развития некоего единого архетипа. Поэтому необходимо обратиться именно к нему, другими словами, вернуться к истокам.

Понятие дома, взятого в его метафизическом отвлеченном значении, объединяет в себе и собственно дом, и его хозяина со всеми чадами и домочадцами, и само хозяйство, и все то пространство, в котором должны были развиваться составляющие полной суммы этого многосоставного формирования, протекать «жизнь» большой семейной коммуны во всех ее проявлениях. Только завершенное в своей полноте единство делает возможным становление и развитие людского и вещного комплекса, который образует патриархальную семью. А с нею и род, ибо есть основания думать, что вовсе не он порождает «первичную ячейку» социума. Отношения между ними носят более сложный характер, и если говорить о генезисе, то и род, и семья происходят все от того же комплекса людей, вещей и животных [3, гл. II], а значит, если убрать из него хотя бы что-то одно, распадется все остальное.

При этом необходимо заметить, что и на уровне семьи, и на уровне рода объединяются не только кровные родственники, но и совершенно чужие по крови люди. Объединение происходит не столько на началах крови, сколько вокруг общего хозяйства. Прогрессирующая экономика требует притока все новых и новых рук, в свою очередь, информационная ее основа нуждается в появлении качественно иных форм сохранения и передачи эстафеты культуры от одного поколения к другому. Отсюда и эволюция человеческо-

го жилища становится одной из главных составляющих единого потока всеобщей истории природы и интегральной культуры ее нового субъекта.

Но и в узком смысле понятие дома в истоках его эволюции не было и не могло быть архитектурным сооружением, назначение которого сводилось к тому, чтобы замкнуть в себе частный быт хозяина и его близких, место досуга, восстановления сил, отдохновения от трудов и повседневной суетности. Для того чтобы дом обрел такие функции, необходимо появление самого досуга и рождение потребности в нем, но все это – продукт долгого развития, ибо феномен «свободного времени» возникает далеко не сразу и не у всех. Впервые он появляется только на стыке верхов третьего и низов второго сословий [3, гл. VII]. В исходном же пункте эволюции жилища центральное место принадлежит вовсе не жилой зоне, но так называемому двору; в своих истоках это не более чем необходимое приложение к зоне хозяйства. Поэтому архитектурный архетип и в случае царского дворца, и в случае частного дома восходит к одному и тому же первоначальному, функциональному назначению которого состоит в жизнеобеспечении. Отсюда вытекает, что исходный пункт эволюции – это вовсе не «физика» стен и перекрытий, но прежде всего «метафизика» сложного культурно-хозяйственного комплекса, незримый механизм сочетания биопродуктивных и информационных технологий новой фазы всеобщей истории природы. При этом доминирование хозяйственной компоненты над жилой зоной сохраняется долго: тысячелетиями человек будет спать в своих хлевах и на своих верстаках; тысячелетиями домашняя скотина будет зимовать в жилом пространстве человека. Даже евангельский сюжет о святом семействе, нашедшем приют в обыкновенном хлеве, говорит о том же образе жизни и о той же организации пространства единого воспроизводственного комплекса человека.

Отдельные рудименты хозяйственного двора сохранялись еще в середине XX столетия в кварталах (во всяком случае, тех, что тяготеют к окраинам) европейских мегаполисов. Составной их частью были лабиринты сараев (иногда, из экономии места, двухэтажных).

В них хранился домашний хлам: вышедшие из употребления вещи, которые жалко выбросить, дрова для растопки печей и пр. Даже ставшие позднее неотъемлемой частью городской планировки целые улицы гаражей – это, кроме прочего, еще и фантом генетической памяти о том же древнем архитектурном архетипе, где доминировала хозяйственная зона. В гаражах протекала значительная часть жизни многих мужчин того времени. Словом, даже городская культура XX в. не может быть понята до конца без учета этой градостроительной компоненты.

В биологическом мире только полнота генетического кода делает возможным сохранение вида. Точно так же лишь законченная полнота информационного кода самовоспроизводства культуры (в особенности техники и технологий) делает возможным выживание и развитие человека. Это становится особенно актуальным на рубеже революционного перехода от матрилинейной формы преемственности к патриархальной организации первичных центров кристаллизации общества. Матриархат и свойственная ему присваивающая экономика характерны для еще во многом бесформенного первобытного стада, и только патриархальная семейная группа становится ядром приходящей на смену ему новой формы организации социума. Выпадение любого (во всяком случае базисного) элемента из этого кода и общего инструментария обеспечения совместной жизни способно обратить вспять развитие формирующегося общества, если вообще не вызвать его коллапс. Между тем даже по завершении переходного периода и утверждения патриархата обеспечение всей полноты воспроизводства социальных форм существования доступно лишь немногим. Именно это обстоятельство рождает феномен древнего патриарха, единого хранителя всех тайн, лежащих в основе первичных технологий. Именно вокруг этого живого «флеш-накопителя» информации группируются не только кровные родственники, но и пришлые чужие люди. Именно он становится и единым отцом неуклонно разрастающегося семейства не только в биологическом, но и в некоем одухотворенном значении, которое делает из него фигуру первого культурного героя всех древнейших цивилизаций. Гене-

алогия всех библейских патриархов берет свое начало именно в таком герое.

Воспроизводство целостного хозяйственного и социального организма с самого начала оказывается возможным лишь в сравнительно большой группе; узкий круг близких родственников уже в переходное время от неандертальского «полуфабриката» к собственно человеку не в состоянии обеспечить выживание на надбиологическом уровне организации живой ткани. Диверсификация же деятельности, резкое усложнение технологий, взрывной рост орудийного фонда в ходе неолитической революции приводят к еще большему увеличению численного состава групп, вынужденных совместно обеспечивать собственную автаркию.

Памятников письменности, относящихся к периоду радикальных преобразований, которые протекают в это время, не существует, и не только потому, что не существовало самой письменности. Дело в том, что в это время лишь начинает складываться сама система понятий, которой предстоит выразить их содержание, поэтому даже осознание человеком входящих в его жизнь технических и технологических новаций приходит позднее. Но уже свидетельства фольклора следующих тысячелетий позволяют сделать важные заключения и о количественном составе, и об образе жизни наших далеких предков. К числу таковых можно отнести некоторые библейские сказания. Вот, например: «Был человек в земле Уц, имя его Иов; <...>. Имена у него было: семь тысяч мелкого скота, три тысячи верблюдов, пятьсот пар волов и пятьсот ослиц и весьма много прислуги...» (Иов I:1–3).

Легко догадаться, что содержание такого огромного хозяйства не по силам семи сыновьям и трем дочерям патриарха, здесь требуется огромное число работников («весьма много прислуги»). Поэтому не следует видеть в библейских сказаниях сплошные преувеличения, многое в них, как показали археологические исследования древнего быта, этнографически точно. Правда, собирательный дом Иова на несколько тысячелетий отстоит от тех радикальных перемен, что свершаются в начале формирования патрилинейной преемственности и патрилокальной организации

совместной жизни, но мы вправе видеть в его описании продукт длительной истории именно первых объединений, которые возникают в период неолитической революции. Другие источники библейского свода, например, книга Руфи, притча о блудном сыне, обнажают многие детали механизма, действием которого пополняется и уже патриархальная семья и патриархальный род.

Точно так же, глухо, но все же довольно разборчиво, древнейшие источники, касающиеся основания Рима, свидетельствуют о пополнении патриархальных «домов» совершенно другим контингентом – людьми, по каким-либо причинам бежавшими из своих земель или изгнанными оттуда своим патриархом. Легенда о сабинянках говорит о том, что здесь собирались полные жизненных сил мужчины довольно буйного нрава, для которых это разбойничье гнездо становилось едва ли не последним прибежищем. Если не за плугом, то в ополчении место находилось и для таких. Наконец, здесь же находили приют и брошенные дети, и просто изгнанные внутрисемейной распрей вместе с их матерями («и сказала Аврааму: выгони эту рабыню и сына ее, ибо не наследует сын рабыни сей с сыном моим Исааком...») (Быт 21:11). Не всякое хозяйство могло прокормить «лишний рот», но для успешного – и эти оставшиеся без приюта люди становились залогом и средством дальнейшего процветания.

Разумеется, не каждая семейная группа в своем развитии достигала размеров, о которых говорит Книга Иова, в этом памятнике речь идет лишь об одном из немногих патриархальных объединений. Но в то же время оно представляет собой вполне типичное явление эпохи, когда далеко не для каждого человека дом был тем местом, где он появился на свет и вырос и к которому до седых волос испытывал светлое ностальгическое чувство.

В общем, для подавляющего большинства патриархальный дом был чужим и враждебным, часто исключавшим возможность построения своего собственного. Родиться и вырасти в доме своего отца было привилегией очень немногих, счастливой судьбой еще более редких – создать свой собственный. Так, если бы не вмешательство высших сил, Измаилу никогда бы не удалось стать

родоначальником арабских племен. Уделом прочих было оставаться бесправными пасынками чужого патриарха, власть которого простиралась и на их собственную жизнь, и на жизнь их детей.

Между тем каждый новый работник способствовал укреплению патриархального дома, поэтому все принимаемые им пришельцы не просто обретали пристанище под его условной крышей, но включались в единый поток общего жизнеобеспечения. На заре цивилизации основная ценность любого дома – это именно мужчины и лишь затем все остальное – верблюды и быки, овцы и пальмовые деревья, словом, все то, что обычно ассоциируется с материальным достатком... Лишь позднее на месте этих конвертируемых во все блага вещей окажутся мешки с серебром и сундуки с золотом. Но прежде – это мужчины, именно они призваны создавать, множить и защищать богатство своего рода. А еще – заботиться о том, чтобы никто из посторонних не смог бы возвыситься до той черты, за которой начинается угроза для него. Мужчины – залог не только богатства, но и могущества всех древних племен. Заметим, что и многоженство древних народов во многом берет свое начало именно в этой парадигме патриархального сознания.

Об этом свидетельствуют древнейшие памятники культуры. Так, Библия говорит, что Аврааму было обещано бесчисленное, «как песок земной» (Быт 13:16), потомство. Бесчисленное же, «как звезды небесные» (Быт 26:4), потомство обещано Исааку. Множество народов и царей из чресел его (Быт 35:11) заповедано Иакову...

Мужчины могут быть как собственными потомками патриарха, так и оставшимися без покровительства людьми своего племени, и захваченными способными к труду и ношению оружия иноплеменниками. Кстати, и собственное потомство любого родоначальника зачинается не только от законных жен, но и от рабынь. Правда, зачатые в законном браке не всегда жили в согласии с рожденными от наложниц, но здесь вопрос личных амбиций и психологии, собственно же права всех признанных потомков (за исключением первенцев) практически одинаковы. Поэтому не исключено, что семьсот жен

и триста наложниц царя Соломона – это все та же дань стандартам мышления самого священнописателя. Отсюда же берет свое начало и увод в плен. Женщины назначаются для производства бесчисленного, «как звезды на небе», потомства, мужчины – как временное замещение тех, кому надлежит обеспечивать могущество рода в будущем. Чужие мужчины – это тоже богатство, ибо при должном присмотре за ними они в состоянии и умножить достояние рода, и отстоять его от посягательств враждебных племен.

Помимо письменных свидетельств, хорошо документированный археологическими раскопками пример иного рода представляет огромный архитектурный комплекс, в целом образующий царский дворец в древних Микенах. Правда, он относится уже к более поздней эпохе – ко времени вполне сформировавшейся государственности. Но и здесь главную роль в местообитании центральной власти играют вовсе не царские покои, но воспроизводственный комплекс: ремесленные мастерские и кладовые, именно они составляют значительную часть дворцовых строений. Повседневная жизнь дворца микенской эпохи предстает перед нами прежде всего как мощная, разветвленная экономическая система. Добавим, что эта система, как и совокупное хозяйство патриархального дома, никоим образом не замыкается внутри периметра, образуемого сторожевыми ли вышками в одном случае, или крепостными стенами в другом. Она простирает себя на весьма значительное внешнее пространство; в случае Микенского царства – пронизывает собой практически все общество. Важнейшие отрасли ремесленного производства его времени монополизируются службами дворца; дворцу же принадлежит и весь инструментарий совокупного производства, и весь производимый не только собственными структурами, но и частными хозяйствами продукт.

К слову, само частное хозяйство нуклеарных семейств существует в древнем государстве лишь как простое продолжение дворцового, его ответвление, элемент развитой сети филиалов. Поэтому оно играет в жизни архаического социума лишь подчиненную, вспомогательную роль. Это следует уже из того, что

ни одно частное хозяйство не только не имеет юридической самостоятельности, но и попросту невозможно без принадлежащего государству технического и технологического ядра. Дело не только в том, что оно функционирует на арендуемой земле, – большая часть орудий производства принадлежит все тому же дворцу и предоставляется лишь в пользование, но ни в коем случае не в полную собственность непосредственного производителя. Да и сам продукт большей частью не нужен последнему и производится лишь в обмен на блага, отпускаемые все тем же дворцом.

Другая, столь же необходимая часть строений состоит из помещений дворцовых канцелярий и государственных архивов. Залог бесперебойной работы всего автаркического хозяйства – это детальная организация планирования, строжайший учет и контроль всех этапов производства, поэтому дворцовое хозяйство – это еще и развитый бюрократический аппарат. Доступные прочтению документы пилюсского и кносского архивов упоминают о штате многочисленных писцов, служивших непосредственно в дворцовой канцелярии и архиве, чиновников, ведавших работами и наблюдавших за выполнением повинностей, и прочих лиц, ответственных за функционирование всех звеньев единого хозяйственного организма.

Разумеется, и в земле Уц, и в древней Иудее рядом с могущественными домами существует множество других, пусть и не столь славных, чтобы оставить память о себе в древних письменах, но все же способных обеспечить собственную автаркию. Об этом свидетельствует уже то, что, по легенде, Ромул сформировал первый сенат из ста родоначальников, за каждым из которых стояли весьма значительные общины. Разумеется, только самые сильные становятся центрами кристаллизации будущей государственности. Отсюда и царский дворец, обиталище центральной власти, – это результат своеобразного естественного отбора среди конкурирующих друг с другом социальных формирований, другими словами, эволюции некоего единого архетипа. Впрочем, и собственно дворец, понятый в узком смысле, как средоточие центральной власти и жизни самого

правителя, является продуктом развития лишь одной из структурных частей единого целого.

2. Эволюция архетипа

Понятно, что даже ядро того производственного комплекса, о котором говорит Книга Иова, не может быть собрано в одной ограде. Огромное количество скота, которое нуждается в соответствующих пастбищных пространствах, требует дополнительных построек далеко за периметром центрального хозяйственного двора. Поэтому собирательный дом, понятый в предельно широком значении, со временем становится с трудом обозримым. В то же время его отличие от частного обиталища нуклеарных семей – более явственным.

Со временем становится невозможным и управление всей патриархальной империей из единого центра. В силу этого вынужден дробиться на составляющие весь первичный воспроизводственный комплекс. Не случайно Ветхий Завет говорит о появлении своих домов у каждого из сыновей библейского страстотерпца. Тем же путем выделяются в самостоятельные хозяйственные и административные единицы двенадцать колен Израиля. В конечном счете, именно сыновьям патриарха будет передано управление ответвлениями единого рода.

Разумеется, не все эти ответвления оказываются жизнеспособными, но в выживающих, точно так же, как и в доме первопродка, собираются покупные жены и наложницы, рождаемые ими дети, и пришлые работники. Точно так же в каждом из обретающих самостоятельность частных хозяйств сыновей складываются свои нуклеарные союзы, и выносимые за единую ограду постройки заселяются прежде всего ими. Эволюция новых комплексов не может протекать по каким-то другим законам, а значит, по ним же протекает развитие архитектурного архетипа. Разрастаясь и становясь многоядерными, новые ветви патриархального дома вынуждены обустраивать жилье не только своим хозяевам, но и всем домочадцам. Словом, рано или поздно уже за новыми оградами возникают частные хозяйства с хозяйственными и жилыми постройками но-

вых нуклеарных объединений. Таким образом, со временем единое архитектурно оформленное обиталище исходной родовой общины заменяется целым комплексом домов малых семей, долгое время остающихся в ее составе и в ее юрисдикции. Одновременно усложняется общая планировка жилой зоны в каждом частном доме: выделяются спальни, кухни, мужские и женские половины. Другими словами, собственно жилище в его ограниченном бытовом понимании вовсе не является чем-то самостоятельным и законченным. Это не более чем часть единого эволюционирующего ансамбля, назначение которого состоит в обеспечении интегрального воспроизводства человека.

С развитием производительных сил и умножением родовой общины за периметром освоенных ею территорий возникают относительно самостоятельные воспроизводственные комплексы, в которых должны будут появиться свои вожди. Теперь уже они, сыновья сыновей библейских патриархов, станут создавать собственные автаркические хозяйства со своими формами организации общего пространства жизнедеятельности, своим распределением функций, своей иерархией его обитателей. Новые возглавители получают такие же неограниченные права в собственных владениях, станут законодателями и блюстителями норм внутрисемейного права. Обменные связи и взаимодействие юрисдикций таких ответвлений патриархальных домов со временем сформируют всю структуру социальных статусов и пирамиду рождающейся государственной власти. Как уже сказано, главы родов составят первые советы старейшин (сенаты), из них будут избираться и первые цари. Много позднее, с укреплением государственности и ослаблением родоплеменных традиций, эти советы станут назначаться рексом (царем) из более широкого круга представителей высшего сословия. Но связь с древностью никуда не денется даже в самых пышных титулованиях К слову, в русской речи номинатив власти типа «царь-батюшка», «боярин-батюшка», барин-батюшка» восходит именно к этим реалиям патриархального уклада.

Эволюция единого архитектурного архетипа проходит по двум траекториям.

Усложнение управленческих функций и необходимость их сосредоточения в едином центре вызывает рождение особого типа жилища – дворец. Он выделяется прежде всего большими размерами, которые необходимы как для размещения персонала, вставшего между центральной властью и простыми исполнителями ее воли, так и своего собственного хозяйства, которое становится стержнем общей экономики. Кроме того, здесь и лучшее качество строительных материалов, и более пышное убранство.

Таким же результатом развития, но уже на противоположном полюсе социума, становится и частный дом. В античное время он также обретает черты суверенитета; в его стенах замыкается быт отдельно взятой нуклеарной семьи, рапорядителем жизни которой становится ее патриарх. Но мы вправе сделать вывод о том, что частный дом не является самостоятельной формой организации пространства пусть более мелкого, но стремящегося к такой же автаркии воспроизводственного комплекса. В действительности это не более чем филиал, продолжение, терминал куда большего собирательного дома, который образует самую сердцевину незримого корпуса древнего социума.

Словом, ни царский дворец, ни частный дом не происходят один из другого, но долгое время (разумеется, разными средствами и в разных формах) воспроизводят структуру древнего архетипа, появившегося на самой заре цивилизации. Только в освещенной письменностью истории траектории их развития начинают расходиться и формировать свои культурные традиции.

И все же Восток и Запад обнаруживают принципиальные цивилизационные отличия.

Становление рабовладельческих государств – а они появляются только на маленьком пятачке европейского континента – делает невозможным централизованное управление, которое опирается на ограниченный вооруженный контингент. Царская власть вынуждена сменяться режимом демократии, где «под ружье» становятся без исключения все граждане [2]. Это обстоятельство не может не сказаться на развитии архитектурных форм. Одним из частных следствий оказывается то обстоятельство, что крепостные

стены вокруг резиденции субъекта государственной власти в первых республиках Средиземноморья ставятся под запрет, и древние акрополи начинают выполнять совершенно иные функции. Это накладывает свою печать и на развитие европейского дворца, и на эволюцию европейского дома.

Уже в античное время дворец (в узком значении резиденции «отца» большого патриархального дома) выделяется из единого воспроизводственного комплекса и перестает быть центром хозяйственной жизни. Он остается лишь средоточием административного управления. Неуклонно расширяющееся производство выносится за пределы жилого пространства, и в собственно доме остаются лишь отдельные технические службы. То же происходит и в менее представительных домах.

Территориальное разделение хозяйственной и жилой зон объясняется тем, что диверсификация деятельности, умножение инструментальной базы, усложнение технологий приводит к тому, что сознание отдельно взятого индивида оказывается не в состоянии объять весь код жизнеобеспечения. Поэтому с преодолением какого-то критического рубежа (и за невместимостью всего знания в одну «голову», и за возрастанием численности самих семейств) возглавитель рода перестает быть культурным героем, носителем сакральных тайн, посредником между богами и человеком. За ним остается лишь общее управление работой крупных подразделений единого автаркического комплекса. Управление (а это планирование, организация исполнения, анализ результатов, разработка в случае необходимости каких-то корректирующих мер) становится самостоятельным видом социальной активности, именно этой функции предстоит в будущем породить институт государственной власти.

Таким образом, глава патриархального дома из полумифического существа, которое долгое время едва ли не полностью выносилось из общего людского ряда, постепенно становится простым управленцем, мандат которому вручается не высшими силами, но согласным решением социума.

Повторим уж сказанное: во главе выделяющихся в качестве самостоятельных формирований производственных структур с их

отселяемым контингентом встают свои патриархи, те, кто оказывается в состоянии овладеть секретами ремесел, информационная база которых расширяется до таких размеров, что становится недоступной подавляющему большинству исполнителей. Теперь уже их именем и только по их поручению каждое из получивших относительную самостоятельность семейств осуществляет обмен всем тем, что необходимо для выживания. Долгое время эти новые семьи продолжают оставаться составной частью чего-то единого. Вот только теперь это единое обретает какие-то новые, главным образом виртуальные черты надгруппового формирования и становится родом уже не в биологическом, но социальном значении, то есть тем, что образуется не током крови, но стечением социальных и производственных технологий.

За его возглавителем остается управление жизнью выделившихся в самостоятельные структуры нуклеарных хозяйств, подчинение их нормам единого (теперь уже не внутрисемейного, но родового) права. Ему же принадлежит и организация связи с домами других, по статусу равных ему родоначальников. В частности, управление развивающимся обменом артефактами культуры и организация брачных союзов.

Заметим, что этот род управления не сводится ни к обмену товарами, ни к обмену женщинами (как форме предотвращения последствий инцеста), его значение намного шире, потому что именно здесь совершается тайна замещения кровно-родственных связей социальными отношениями. Другими словами, происходит формирование социума. Об этом будет говорить Леви-Стросс. В отличие от других исследователей, французский этнограф с самого начала включает в его сферу и такое начало, как информация, «обмен словами» [5]. Поэтому в целом обмен становится не только формой восполнения вещей, недостающих для жизнеобеспечения отдельно взятой группы, но формированием и калибровкой единого культурного кода на уровне гораздо более широких социальных объединений.

Все сказанное имеет еще одно следствие. Между отдельно взятым индивидом и патриархом, семейной группой и родоначаль-

ником начинает появляться посредник, и это обстоятельство диктует необходимость новых форм организации общежития.

Уже само отделение функции центрального управления от конечного исполнителя предполагает совершенно другую форму организации пространства общей жизнедеятельности. Еще большие изменения происходят там, где участие во власти принимают самые широкие социальные круги. В одном случае, когда резиденция власти изолируется от мира крепостными стенами, средоточием социальной жизни становится царский дворец. В другом, когда власть распределяется по всему массиву граждан и ее центр оказывается повсюду, сердцем города становится место собрания его граждан, форум.

В свою очередь, сама организация пространства совместной жизни способна играть решающую роль в истории древних держав. Так, например, при совершении государственного переворота неприступные стены могут стать, и нередко становятся, родом ловушки для прежнего обладателя власти, поскольку делают невозможной помощь извне. Сила становится слабостью. К тому же переворот, даже если он не сопровождается репрессиями в отношении лиц, принадлежащих к свергнутой династии и приближенных к ней, лишает возможности реванша. Ведь если в пределах дворцовых стен концентрируется и развитое дворцовое хозяйство, вместе с номиналом власти в руках узурпатора оказывается мотор и приводные ремни практически всей экономической системы государства. Поэтому силы, остающиеся за периметром крепостных укреплений, лишаются необходимой материально-технической опоры. Напротив, когда между средоточием административной власти и областью концентрации производства встают не только юридические, но еще и пространственные барьеры, захват даже сильно укрепленного пункта не означает ничего, если не подавлена социальная масса, на которую опирается республиканское правление. Так, например, возвращению режима личной власти и становлению империи предшествовал неоднократный ввод войск в Рим и сменяющие друг друга массовые проскрипции Мария и Суллы, которые, впрочем, затронули не только более чем полуторамиллионную столицу, но и практически

всю Италию. Потребовались десятилетия, и именно заполнившие их события, а вовсе не внезапный захват административного центра, окончательно сломили республиканские традиции и явили миру совершенно иной тип государственности – империю.

Не оставим без внимания и то обстоятельство, что сами стены крепости-дворца служат удушающим поясом. Если именно дворцовое хозяйство служит основой всей государственной экономики, стиснутая ими, ее опора лишается возможности расширения и качественного развития. Стагнация же производства не способствовала процветанию ни одного государства.

Но было сказано, что траектории развития дворца и дома начинают расходиться, и прежде всего это проявляется в том, что производственный комплекс выносится за пределы общей ограды, и чем обширней, сложней и состоятельней хозяйство – тем дальше. В результате открывается путь самостоятельного развития и его самого и собственно жилой зоны бывшего ансамбля. Только тогда и появляется дворец в привычном современности понимании этого слова. Впрочем, и после разделения многие хозяйственно-технические службы (кладовые, кухни, конюшни и т. п.) остаются в пределах какой-то незримой ограды рядом с ним как части единого тела. Мы можем видеть это на примере многих дворцовых комплексов, в том числе и в Санкт-Петербурге. Что же касается деревенского дома частного лица, то он и по сию пору сохраняет в себе многие черты древнего архетипа, сердцем которого является вовсе не жилье.

3. Полисное наследие

Нельзя видеть ни в союзах греческих городов, ни тем более в Римской империи подобие современных унитарных государств, пронизанных единой вертикалью власти. Уже попытка Афин подмять под себя своих «союзников» (первый морской союз включал в себя свыше 200 городов) закончилась войной и падением гегемона. Но и колонии Рима поначалу считаются формально независимыми государствами, «добровольно» объединившимися с ним. К слову, степень «добровольности» отражает и объем оставляемых за каждым прав. Полное право римского гражданина получают

граждане далеко не всех «союзников», возможность же самостоятельных международных сношений – ни один из них: выстраивать свои отношения друг с другом колонии могут только при посредничестве (и с разрешения) метрополии. В то же время ни в одной из них не умирает и память о прежнем суверенитете, не случайно во время нашествия Ганнибала многие колонии отпадают от Рима. Поэтому распад центральной части (Италия) в начале Средних веков приводит к образованию самостоятельных полисных формирований; главенствующая форма политической организации на Апеннингах – это вновь обретшие утраченную когда-то независимость города-государства со своей культурой, экономикой, внутренней и внешней политикой.

Совсем другое дело – «варварская» Европа. Она не имеет опыта полисной организации, а значит, и представления о государственном суверенитете. Самое большее, что знакомо ей, – это племенные союзы. Поэтому распад Римской империи здесь имеет совершенно другие следствия. Хорошей аналогией к тому, что происходило в раннем Средневековье той Европы, которая была объединена легионами Вечного города, может служить, то, что происходит сегодня, когда падение центральной власти влечет за собой появление большого числа полубандитских шаяк, возглавляемых олигархами, каждый из которых стремится подчинить себе хотя бы какие-то территории, прежде всего располагающие богатыми ресурсами, на худой конец – населением, с которого можно выжимать налоги.

Между тем полисное наследие – это не только культура политического управления низами, но и культура повиновения последних закону. Для государственной власти мало одного аппарата насилия, она жизнеспособна лишь там, где принимаются ее установления, где им склонны повиноваться по убеждению в их справедливости. Поэтому распад Римской империи в той части Европы, которая не была преобразована культурой законопослушания, превращается в формирование бесчисленных земельных автономий, не признающих над собой никакого управляющего начала и не стесняющих себя никакими нормами международного

права. Им еще только предстоит сливаться в баронства, графства, герцогства, варварские королевства, где зачастую правят не короли, а их управители-мажордомы, пережить новый распад Священной Римской империи и лишь затем формировать политическую культуру централизованных абсолютистских государств. Во всяком случае у северных «варваров» ни культуры единого для всех закона, ни глубоко укоренившихся традиций повиновения ему (как, впрочем, и нормам межгосударственного права) не было. Не закрепленные же в памятниках письменности древние обычаи за годы подчинения Риму на периферии бывшей империи оказались забытыми.

За пределами Апеннин любая власть нередко принимает форму откровенного рэкетирства, ассоциируется не с правом (правдой, справедливостью, праведностью), а с вооруженной силой. Между тем любая сила сама нуждается в защите. Никакая ее форма не может долгое время существовать на пределе своего напряжения. Во многом именно это предопределяет отличия в архитектуре. Если в итальянских республиках местом обитания власти и нобилитета становится городской дворец, то в бывших провинциях – укрепленный замок. «Такими замками покрылась в изобилии вся Западная Европа: в одной Франции их насчитывалось до 50000» [8, с. 27]. Дворец правителя не требует возможности вооруженного сопротивления всему окружению. Правда, не следует забывать, что враждуют между собой города-государства, не обходится и без внутренних смут, которые порождаются конкуренцией знатных фамилий, поэтому и он обретает некоторые атрибуты крепости. Замок же изначально воздвигается с целью круговой обороны, чаще не только от внешнего антагониста, но и от тех, с кого его владелец собирает налоги.

4. Дом

Как уже сказано, дом – это единство жилых и хозяйственных строений, те и другие не более чем его составные части. Только вместе они формируют структуру целого, но все же важно понять, что лишь на дворе появляются постройки, позволяющие и укрыться человеку, и укрыть от непогоды тонкие детали единого

механизма его жизнеобеспечения. Словом, дом – это прежде всего место рождения и сохранения всего того, что через тысячелетия Маркс назовет производительными силами и производственными отношениями. Сложносоставная структура загородных строений сохранится вплоть до настоящего времени. Вот только в городских пределах она будет деформирована отсутствием достаточных пространств для своего развития и необходимостью привязки его плана к конфигурации улиц и площадей, за чертой города во многом сохранится. Правда, выражение «загородный дом» сегодня большей частью звучит как второй, как место, где его хозяева могут отдохнуть от напряжения городской жизни. Здесь же оно употребляется в его базовом значении, поскольку возникает задолго до рождения города.

Словом, не только в исходном пункте своего развития, но и сегодня контуры дома не сводятся к чисто строительным конструкциям, он существовал и существует как административная и хозяйственная единица. Определение «хозяйственная» не требует пояснений, «административная» означает границы исключительной юрисдикции его хозяев, здесь становятся бессильными даже самые могущественные государства. Разумеется, принципы общего законодательства правят и там, но главенствующее место в его пределах занимают нормы внутрисемейного права. Именно они распределяют домашние обязанности, устанавливают режим пользования общим имуществом, личную принадлежность тех или иных вещей и т. п. Пусть эти нормы не всегда формализованы, но их влияние на жизнь обитателей часто более действенно, чем влияние запечатленных в камне и бронзе юридических скрижалей.

Словом, с самого начала под единой крышей соединяется все необходимое для выживания первичной ячейки социума, но только к Новому времени понятие жилого дома станет ассоциироваться с частной жизнью отдельной ячейки социума и ее семейным укладом. Впрочем, и тогда последнее обстоятельство останется справедливым не для всех обитателей. В истоках же истории нет ни частной жизни, ни семьи в ее современном понимании. Есть лишь одно – не членимая на досуг и работу единая жизнь единой

группы, способной обеспечить собственное самовоспроизводство, другими словами, выполнить не только весь комплекс хозяйственных работ, но и все (включая социализацию новых поколений), что требуется для вхождения человека в сложившийся ритм общей жизни. Под его (часто условной) крышей в едином кругу родственников и совершенно чужих друг другу людей вершится весь круг ее отправления. Не случайно древнейшие жилища состоят всего из одного помещения. К слову, однокамерные строения у многих народов, особенно у кочевников, сохраняются до самого последнего времени, только с оседлостью появятся многокамерные.

Первая ячейка социума представляет собой неделимый организм единой большой семьи, которая группируется вокруг родоначальника-патриарха. Не детали быта, но особенности технологий жизнеобеспечения и не в последнюю очередь климата рожают необходимость появления на общем дворе и первых стен, и первых крыш. Но под этими крышами только для родоначальника и далеко не сразу формируется первая собственно жилая зона. Все прочие тысячелетиями продолжают «жить» там же, где и работают.

На заре истории единый комплекс жизнеобеспечения – это полный состав работ, связанных с производством всех разновидностей необходимого продукта и, разумеется, все средства его производства. Выпади что-то важное из этого комплекса орудий и технологий – и жизнь обитателей окажется под угрозой. В свою очередь, и каждый отдельный вид работ становится все более сложным переплетением технологически зависящих друг от друга процессов. Не все они доступны каждому, и разделение труда начинает складываться уже на первых фазах развития производящей экономики. Семейная же община, с одной стороны, должна объединить всех тех, кто способен внести свой вклад в обеспечение автаркии, с другой – избавляться от «лишних ртов». Но как бы то ни было, она довольно громоздка, и древнейшие жилища являют собой род огромных общежитий. Так, крупнейшие постройки в районе стоянок Костёнки-1 или Авдеева, насчитывали 150–200 обитателей. Именно здесь преодолевался количественный барьер плотности информационного общения, формировались первые системы аб-

страктных представлений человека о мире, то, что следующие тысячелетия назовут всеобщей связью вещей. Именно здесь закладывались принципы межпоколенной эстафеты культуры. Именно они становились инкубаторами начал внутрисемейного права, эмбриональной формы всех правовых систем будущих государств. И только во вторую очередь дом выполнял роль обустроенных мест проживания, подобий капсулы, которая отгораживала человека от неблагоприятных воздействий внешней среды.

Уже сама численность первых объединений приводит к тому, что структура семьи становится многоядерной, в ней неизбежно появление зародышей будущих «малых семей», то есть семей в близком к современному пониманию этого термина. Современный же тип семьи появится сравнительно поздно, на рубеже XVI–XVII столетий. При запрете на кровосмешение сформировать такую коммуну можно единственным путем – принимая в состав домочадцев посторонних людей. Однако посторонний – это всегда «лишний рот», и впустить его может не каждое хозяйство. А значит, всякий раз требуется санкция патриарха. Только он может дать согласие на брак и своих собственных детей, и чужих людей, прибывающих к его дому. Понятно, что хозяин принимает в расчет не одни матримониальные планы его обитателей, но прежде всего рабочие, боевые и детородные качества будущего члена общины.

Здесь нет никакого произвола одного, как нет и ущемления прав всех других. Это просто нормы закрепленного обычая семейного права, которое позднее найдет отражение в юридических кодексах, и рудименты которого в неявном виде сохраняются по сию пору. Ведь и сегодня взрослые дети могут привести в дом будущую супругу или супруга, младшие – подобранное на улице животное исключительно с согласия родителя, поэтому нас не должны удивлять особенности древних патриархальных отношений.

Эффективность управления не зависит от того, кто именно исполняет начертания семейного законодателя, и в разрастающейся общине все большую и большую роль играют уже не родственные отношения, а социальные роли, в результате чего в ней еще интенсивней перемешиваются и родные по крови, и чужие люди.

Новые административно-хозяйственные единицы и новые дома уже со своими патриархами формируются по тому же типу. Архетип развивается, но не меняется качественно. В центре всего остается хозяйственная функция, двор с его технологиями, и только в закутках обустраиваются пригодные для «жизни» помещения. Именно этот тип строения сформирует архитектуру, которой предстоит пережить тысячелетия. Он станет предтечей и крестьянской избы, и дома зажиточного горожанина, и феодального замка, и городского дворца.

В домах нижнего сословия этот архетип отчетливо различим еще и сегодня. И в древности, и в Средние века, и в Новое время, отчасти и в наши дни человек будет трудиться там же, где живет, жить – там, где работает. Долгое время жизнь человека будет протекать даже не рядом с рабочим местом, а именно на нем же, он будет в буквальном смысле спать на верстаках, в конюшнях и на сеновалах. Может быть, поэтому и упомянутая легенда о Младенце, родившемся в хлеву, трогала душу прежде всего простолюдина. Новые хозяйственные постройки будут ничем иным, как расширением и дальнейшей структуризацией единого пространства архетипа. Что касается городов, то только с развитием ремесленного производства и появлением мануфактур (первые из них возникнут уже в XII в.) здания мастерских станут возводиться отдельно от жилых строений состоятельных бюргеров. Особенно бурно разделение жилых и рабочих пространств будет протекать в XVI–XVII вв. Деревенский же дом мало изменится и в начале XX в.: достаточно перечитать страницы «Тихого Дона», чтобы убедиться в этом.

Этот же архетип отчетливо виден и в домах среднего и высшего сословий Египта, Греции, Этрурии, Рима. Нигде нет строгой границы между хозяйственной и жилой зонами, нигде нет возможности уединения обитателей. Впрочем, ни разделения границ, ни возможности уединенного досуга хозяев не существует даже в домах знати Средневековья и Нового времени.

Со временем появляется еще один элемент – представительская зона. Вот только в низшем сословии она будет существовать

в полулатентном, весьма усеченном виде, в домах же среднего и высшего начнет подавлять собою все остальные.

Обратимся к дому обеспеченного римлянина, где наиболее полно представлены все его составляющие. Типична одноэтажная конструкция. С самого начала жилище группируется вокруг атриума, истоки эволюции которого прослеживаются все в том же патриархальном дворе, в пределах которого у простонародья вплоть до недавнего времени будет группироваться весь хозяйственный комплекс. Следы этой эволюции в античности видны уже в том, что к атриуму по-прежнему примыкают не только жилые помещения, но и все хозяйственные службы, нередко и помещения для «младших членов» римской фамилии, рабов.

Атриум – это внутренний двор, первоначально здесь располагался очаг (в крыше над ним устраивалось отверстие для выхода дыма. Это приводило к оседанию копоти на стенах и потолке, от чего и произошло название: *ater* значит «черный»). Позднее он становится парадным помещением и на месте очага под прямоугольным отверстием появляется бассейн, служащий и украшением дома, и одновременно местом сбора дождевой воды (в более богатых домах дождевая вода собирается в специальные цистерны под полом). Его крышу обычно поддерживали четыре колонны по углам бассейна. Перпендикулярные внешним стенам перегородки создают подобие отдельных помещений: *таблиний* (кабинет хозяина дома), *алы* («крылья-гостиные»), комнаты для привилегированных членов семьи. Все они открыты, лишь на время опускающиеся занавеси или складные деревянные ширмы укрывают их пространство от нескромных взглядов. Атриум – это центр семейной жизни и самое священное место, здесь собирается семья, здесь готовят пищу, хозяйка занимается домашними делами, здесь стоит ткацкий станок и ящик с деньгами, отсюда хозяйка следит за всем, что происходит в доме. Здесь же проходят все семейные церемонии – заключение брака, наречение имени младенцу, погребальные обряды. В боковых частях атриума находится алтарь домашних богов, *лар* и *пенатов*; там же хранятся восковые маски умерших предков, расположенные так, чтобы можно было проследить всю родословную хозяина.

В состоятельных домах с самого утра здесь же собирается толпа клиентов, и чем представительней персона, тем многочисленней их собрание. Оно обязано демонстрировать господину и свою преданность, и свою признательность за мелкие благодеяния и подачки, которые раздаются им. Здесь же встречают гостей. Позднее атриум станет предвирать прихожая. Рядом с ней разместятся конюшни, торговые лавки, другие служебные помещения [4, с. 27].

Архитектурные справочники чаще всего приводят пример жилища среднего римского горожанина. Городской же пролетариат, который, как ни парадоксально на первый взгляд, тоже относится к числу рабовладельцев, живет в инсулах. Но большинство обитателей этих конур – все те же клиенты, другими словами, младшие члены других «домов». Словом, и в этом смысле конструкции не исчерпывают действительное содержание архитектурных сооружений; просто единый дом как бы дробится в пространстве.

Его сердцевина выходит на улицы глухими стенами: оконное стекло дорого и редко. Со II в. до н. э. в римских домах появляется перистиль – внутренний дворик, окруженный открытыми галереями. Частная жизнь малой семьи домовладыки переходит сюда, в более интимную часть строения. Вход в единый комплекс, атриум, таблиний и перистиль продолжают располагаться друг за другом на одной оси. В перистиле появляется сад с цветами, редкими растениями, фонтанами, бассейнами с рыбами. Сюда же выходят спальни и комнаты для дневного отдыха, столовые-триклинии, все они по-прежнему остаются открытыми, лишь те же занавеси и ширмы могут на время отгораживать их от перистиля.

В современных описаниях античных домов нередко упоминаются двери. В действительности же как обязательный элемент конструкции жилища они отсутствуют. Есть лишь проемы, необходимые, в частности, для того, чтобы пропускать свет, ибо окон также не существует. Дело не только в том, что двери – слишком громоздки (механизм подвески, вращения, фиксации и запора весьма тяжеловесен), а значит, очень дороги; они оправданны только для внешних стен. Потребность в них еще не сформировалась, ибо нет и частной жизни; можно лишь на время отгородиться

для отправления каких-то специфических надобностей, но нет нужды полностью изолировать себя от семейного мира. К тому же и младшие члены единой фамилии, включая рабов, должны постоянно чувствовать на себе хозяйский взгляд. Необходимость глухих перегородок и межкомнатных дверей возникает только там, где рождается погружение человека в самого себя. А это для одних предполагает очень высокий уровень культурного развития, для других – появление функций, которые не терпят свидетелей и должны оставаться тайной для остальных.

Речь не идет о физиологии. Не только греческие диогены, по примеру собак, справляют нужду прямо на городских площадях. Даже греческие боги не думают скрываться во время соитий, и если в этом нет ничего зазорного для небожителей, почему там, где не нарушаются чужие права, должны таиться смертные?

В триклинии стояли невысокие столы, вокруг которых покоем располагались три ложа – клинэ. На них располагались пирующие. С четвертой, открытой, стороны подходили рабы, подававшие кушанья. В богатых домах в перистиль могли выходить залы для бесед, библиотека, где на специальных полках хранились свитки, картинная галерея, ванная комната.

Главные помещения отличались значительной высотой, между крышей и жилой зоной устраиваются потолки: в жарких странах слой воздуха между потолком и крышей служил защитой от зноя летом и сохранял тепло зимой.

В общем, планировка подчинена одной и той же восходящей к архетипу схеме, различие только в занимаемых площадях и отделочных материалах. Площадь дома представителя «среднего класса» может превышать 1,5–2 тыс. кв. метров.

Впрочем, уточним: такая организация пространства характерна только для дома, расположенного за городскими стенами. Городские постройки (за вычетом мест, где ютится клиентела) занимают существенно меньшее пространство, но обретают еще один, не менее важный, чем стены самого дома, элемент – обустроенную крышу. Дело в том, что правом свободного хождения по городу и посещения форумов, терм, театров, – словом, общественных мест располагают

только мужчины. Все прочие могут покидать дом лишь с санкции патриарха. Поэтому участие в общественной жизни города женщин и детей, как правило, пассивно и сводится к простому созерцанию того, что происходит вокруг. Значительная, часто львиная, доля времени проводится именно на крышах, откуда женщины могут удовлетворять свое любопытство и общаться с соседками. Предание о гибели Пирра («...Она в это время, как и остальные аргивянки, с крыши дома глядела на битву и, увидев, что ее сын вступил в единоборство с Пирром, испуганная грозящей ему опасностью, сорвала с крыши черепицу и обеими руками бросила ее в Пирра» [б. 34]) говорит, в частности, и об этой особенности архитектуры городского дома и жизни его обитательниц. К слову, красочный эпизод из голливудского «Бен Гура», когда черепица случайно падает под ноги коня римского военачальника, позволяет увидеть это на широком экране.

С ростом городов, территория которых стеснена городскими стенами, начинает развиваться многоэтажное строительство, и это накладывает свою печать на облик жилища. Площадь квартир состоятельных граждан сокращается в разы, но общая схема остается той же. Городской пролетариат веками продолжает довольствоваться комнатами, а то и просто «углами», которые огораживаются занавесями.

5. Замок

Для средневековой Европы наиболее характерная форма дома для знати – замок. Простейшая его форма – огороженный стеной (поначалу деревянной) двор и насыпной холм, на котором возводится такая же деревянная башня. Чем массивней холм и выше башня, тем выше положение владельца замка. Впоследствии деревянное строительство сменяется каменным. Статусность господина подчеркивается не только высотой башни, но и ее членением на этажи.

Несмотря на то, что башня долгое время не только служит оборонительным целям, но и является жилым помещением господина, в ней нет замкнутого пространства, оставляющего возможность уединения. Владелец замка никогда не остается один или наедине

с родными; жизнь средневекового замка лишена всякой приватности. Замок – это, прежде всего центр управления подвластными ему землями, а следовательно, присутственное место, куда постоянно стекается большой поток посетителей. Но и те помещения, куда они не впускаются, начисто лишены домашней атмосферы.

Впрочем, не только жизнь господина, но и вся жизнь обитателей замка, мужчин и женщин, рыцарей и оруженосцев, прислуживающих пажей, боевых птиц и собак большей частью протекает в общем парадном зале. С того времени, когда в башне появляются отдельные этажи, он устраивается на втором из них. Верхняя часть башни – это боевое отделение, туда по тревоге встают защитники замка, нижний становится местом жизни челяди и столовой для замковых людей и гостей низкого ранга. Здесь, в большом зале, на виду у всех, протекает вся жизнь феодала и его приближенных. Здесь правят суд, держат совет, справляют праздники... Лишь небольшое возвышение (перрон), на котором стоят сиденья сеньора и его супруги, отделяет их от общего собрания. Меняется только обстановка: днем расставляются столы, скамьи, на ночь все это выносятся прочь, чтобы на их месте поставить кровати для одних и кинуть на пол простые тюки с соломой для других. Долгое время все, включая слуг, проводят ночь в том же одном на всех помещении. Впрочем, и слуги большей частью – это дети благородных вассалов, которые отдаются на воспитание сеньору; в его доме они должны проходить школу светской жизни, из пажей становиться оруженосцами, из оруженосцев – рыцарями. Спящих разделяют только занавески или ширмы, гораздо реже (для более статусных персон) – деревянные перегородки. Долгое время даже супружеская чета владельца замка спит здесь же, в дальнем конце зала, за возвышением.

«Типовая» планировка замков даже в позднем Средневековье показывает, что отгороженной от посторонних территории, на которой своим кругом могла бы собраться и проводить совместный досуг собственно семья феодала, большей частью не существует. К тому же и весь набор мебели в имеющихся помещениях, сводится, не считая сундуков для одежд, к большой кровати и паре

табуретов, иначе говоря, бытовые удобства, которым надлежит обустроить совместный досуг, тоже отсутствуют. Даже в спальней комнате владельца замка полной приватности нет. И она являет собой разновидность присутственного места: здесь (предтеча кабинета) сеньор дает аудиенции, ведутся конфиденциальные разговоры; здесь вершится протокольное, то есть, как правило, свидетельствуемое доверенными лицами (остающимися, разумеется, за дверью), зачатие наследников.

Лишь в XII в. в замках появляются отдельные покои для господина и его супруги. Чаще всего они располагаются в разных местах: отправление супружеских обязанностей – далеко не регулярно, ложе нередко делится совсем с другими. Впрочем, это и понятно: брак того времени – это всего лишь союз для производства наследников, и если они уже вскормлены, женщина, выполнившая свой долг, получает возможность жить какой-то своей жизнью, мужчина – обрратить взор на тех, кто рождает в нем новое желание.

В XIII в. появляются отдельные покои и для сыновей феодала, в это же время и большие залы, и собственно жилые помещения начинают строиться рядом с башней. В XIV в. разбивается особая зона уединенного отдыха – собственные сады феодала. Только к XVI в. в замках знати появляются жилые корпуса с апартаментами для приближенных, однако и там лишенный приватности распорядок жизни сохраняется долгое время. Даже личные покои Франсиска I в замке Шамбор, жемчужине дворцовой архитектуры того времени, не создают впечатление замкнутого личного пространства, скорее наоборот, они предназначены прежде всего для выполнения представительской функции. То же касается и покоев королевы.

6. Дворец

В Новое время образцом европейского дворца становится французский отель. Поначалу он наследует структуру укрепленного замка, но к XVII в., вбирая традиции итальянского палаццо, как бы открывается миру – замкнутая форма сменяется П-образной. Дворец выстраивается на одной оси между двором

и садом. От городской улицы, куда он встраивается, его отделяет пышная стена. Впоследствии крылья дворца сокращаются, часто меняют ориентацию и даже обращаются назад. Лицевая парадная часть обращается к улице, более интимная выходит в сад.

Вместе с тем внутренние помещения по-прежнему лишены всякого намека на приватность. Над всем главенствует сословная иерархия, функция представительства, и первое, что встречает входящего, – это парадные лестницы и залы, расположенные (наследие Ренессанса) по генеральной осевой линии. Личные помещения хозяев дворца жмутся к флангам и делятся на две самостоятельные части по обе стороны центральной лестницы. Жизнь обитателей, как и в средневековом замке, публична, и даже планировка разделенных покоев говорит о том, что частная жизнь господина и госпожи подчинена светским условностям. Между тем в их системе каждое действие статусной персоны обязано носить знаковый характер, служить предметом обсуждения, становиться социальным образцом, модой. К тому же и контроль над своим окружением требует, чтобы владетельная персона постоянно находилась на виду. (Не будем удивляться, здесь мы сталкиваемся с одним из ключевых измерений власти: устранение от публичности – это прямой путь к ее утрате. Не случайно и сегодня между первыми лицами и общественностью стоит целый аппарат, задача которого состоит в том, чтобы делать открытым для мира то, чем живут короли и президенты, премьер-министры, просто министры и главы крупных корпораций. Словом, многое из личной жизни уходит от постороннего взгляда, но в целом требования публичности продолжают доминировать над нею и в наши дни.)

В старое же время даже рядовой визит супруга на другую половину дворца через весь строй парадных залов (и постоянно толкущейся в них челяди) становится вовсе не рядовым явлением, но родом торжественного прохождения, которое вершится на виду у посторонних.

К слову, такая открытость – это еще и элемент гигиены наследования. Дело в том, что передача прав незаконнорожденному может стать причиной больших потрясений, составить угрозу для

многих. Поэтому возможность сохранения в памяти и гостей, и челяди «графика» посещения господином спальни своей супруги служит серьезной преградой адюльтеру. Словом, частная жизнь по-прежнему не является частной. Впрочем, и личные спальни не несут на себе ни отпечатка личности, ни следов интима. Не забудем о том обстоятельстве, что здесь же, в спальне сеньора (как правило, у двери), устраивается еще одно ложе для телохранителя и камердинера (камеристки, если речь идет о госпоже). Разумеется, оно более скромно, во многих случаях ограничивается простым тюфяком, брошенным на пол поперек двери, но и это накладывает свою печать на представления того времени о приватности.

В парадных спальнях европейских дворцов еще в XVIII в. даже обычный отход ко сну и пробуждение монарха представляли собой род государственного акта, официальные требования к которому предусматривали обязательное присутствие особых должностных лиц. Так, спальня Людовика XIV в Версале была устроена именно таким образом, чтобы обеспечить свидетельствование; только низкая позолоченная деревянная балюстрада отделяла место для допущенных к публичному церемониалу от личного пространства короля. К слову, и апартаменты королевы таковы, что исключают возможность уединения. Они состоят из спальни, где даются частные аудиенции, салона «Большой прибор» для публичных обедов королевской семьи, зала гвардейцев и парадной лестницы. Надо думать, что распорядок жизни коронованных особ старательно копировался на других ступенях единой пирамиды власти. Повсюду личное пространство, куда допускаются лишь свои, перед кем можно было бы сбросить протокольные одежды и не бояться собственных слабостей, отсутствует.

В отличие от помещений усадебного дома, большинство комнат дворца не имели заранее определенного предназначения, почти каждая из них имела несколько дверей, ведущих во все соседние. Разумеется, это не значит, что обитателям такого дворца разрешается свободно ходить по всему зданию из комнаты в комнату, порой нарушая границы приватности. Каждый приближенный имеет свою степень допуска и хорошо знает черту, переступить которую могут

только вышестоящие. Но в любом случае перемещаться по такому зданию было возможно, только переходя из комнаты в комнату; ни одна из них не имеет отдельного входа, вследствие чего многое из частной жизни обитателей протекает на виду у посторонних, даже слуг. Может быть, наиболее характерным примером организации внутреннего дворцового пространства является анфилада. На какое-то время она становится модой, едва ли не эталоном планировки. Даже статус хозяина дома начинает измеряться длиной анфилад.

Однако потребность в приватности уже возникает; радикально меняются представления о досуге. Напомним, что о нем говорил еще Аристотель (Политика. 7. 13, 8). Вот только философ говорил о нем как о времени для прекрасных дел: «Вся человеческая жизнь распадается на занятия и досуг, на войну и мир, а вся деятельность человека направлена частью на необходимое и полезное, частью на прекрасное». Между тем вершение прекрасного не чурается софитов и телекамер, досуг же в его позднем понимании большей частью избегает любых свидетелей. Поэтому Новое время рождает и новые архитектурные планы состоятельных домов. В XVII в. они предусматривают строгое разделение внутреннего пространства между слугами и господами; обычный слуга уже не имеет права без специального вызова выходить за пределы отведенной ему территории, тем более в присутствии хозяина или его гостей.

В самом конце XVI в. в жилых помещениях статусных персон появляется коридор, который кардинально меняет жизнь обитателей дома. С одной стороны, он обеспечивает быстрый прямой доступ ко всем ключевым его помещениям, с другой – становится барьером для посторонних, обеспечивает возможность уединения хозяев дома и приглашенных. Один из ранних примеров появления коридора мы находим в Бофор-Хауз (Beaufort House), который был возведен в 1597 г. в лондонском Челси по проекту английского архитектора Джона Торпа (John Thorpe), одного из ведущих архитекторов времен Елизаветы I и Якова II, королевский мастер с 1584 по 1601 г. Книга его чертежей и сегодня хранится в музее

и составляет наиболее полный документ, характеризующий строительство той эпохи.

Такие коридоры, которые поначалу предназначены главным образом для слуг, мы можем видеть в планировке Зимнего дворца, Михайловского замка и других дворцов Петербурга. В XIX в. они появляются уже не только в домах знати, но и в большинстве городских домов. В общем, к XIX в. большинство комнат обретает единственную дверь, ведущую в общий коридор; они окончательно превращаются из лишенных возможности уединения помещений в сугубо частное пространство личной жизни. Дом изолируется от вспомогательных и хозяйственных построек и делится на пространства дневного и ночного времени, на формальные публичные (гостиные) и неформальные частные (будуары, спальни, кабинеты).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Аристотель*. Политика // Аристотель. Соч. : в 4 т. М.: Мысль, 1984. Т. 4.
2. *Елизаров Е. Д.* Античный город. СПб. : Прана, 2006.
3. *Елизаров Е. Д.* Великая гендерная эволюция. СПб. : Написано пером, 2015.
4. Искусство. Современная иллюстрированная энциклопедия. М. : Росмэн, 2007.
5. *Леви-Стросс К.* Структурная антропология. М. : Эксмо-пресс, 2001.
6. *Плутарх*. Сравнительные жизнеописания. Пирр.
7. *Шуази О.* История архитектуры. М. : Всесоюзная академия архитектуры, 1935.
8. *Яковлев В. В.* История крепостей. СПб. : Полигон, 1995.